

14. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. С. 458.
15. Богданов М. А. Разгром Ишимско-Петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 году // Уч. зап. Ишимского пед. ин-та. Т. III. Вып. 4. 1959. С. 13.
16. Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. М., 1996; Осипова Т. М. Указ. соч. С. 14–29.
17. Лавров В. М. Указ. соч. С. 233.
18. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002; Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997; Медведев А. В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны, октябрь 1917–1920 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 1994; Стариков С. В. Левые социалисты в российской революции (март 1917–июль 1918 гг.). (На материалах Поволжья): Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1997; Коновалова О. В. Чернов В. М. и аграрная программа Партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2; Маримова И. В. Социалистическая оппозиция большевизму по вопросам экономической политики (октябрь 1917– лето 1921 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1995.
19. Добровольский А. В. Указ. соч. С. 32–34.
20. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 59–60.
21. Осипова Т. В. Указ. соч. С. 343.
22. Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917. – N. Y., 1958; Ibid. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Sovietrule. – N. Y., 1963.

Ирина Васильевна СКИПИНА –

доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения

Тюменского государственного университета

Революционное правосознание и революционная законность на Урале.

1918–1921 гг.

УДК 930.1(470.5)«19»

В статье рассматривается правосознание населения Урала в период Гражданской войны. После революции старые правовые нормы перестали действовать, власти руководствовались революционной законностью, но неприкосновенность личности не гарантировалась государством. Местное законодательство отличалось разнообразием, но везде для «врагов народа» применялись жесткие наказания.

The author dwells upon legal awareness of the population of the Ural region during Civil war. After the revolution the old rules of law ceased to act, the authorities were guided by revolutionary legitimacy, and the inviolability of person was not guaranteed by the state. The local laws varied, but everywhere «enemies of the people» were persecuted severely with the application of the rigid punishments.

Правовое положение граждан определялось актами, регулирующими правовые отношения на Урале на каждом из этапов борьбы. На территории, подвластной большевикам с лета 1918 г., действовала советская Конституция 1918 г. На большей ча-

сти края в этот период установилась власть Временного областного правительства Урала, именно его нормам и должно было следовать население. Это правительство в основу своего гражданского законодательства положило право дореволюционной России. [1] С переходом управления 23 сентября 1918 г. в руки Временного Всероссийского правительства (Директории), правовое положение граждан практически не изменилось, а с установлением диктатуры Колчака 18 ноября 1918 г., несмотря на обещания руководства защитить личность и собственность, уязвимость граждан стала еще более заметной. [2] Законодательные акты и белых, и красных властей предусматривали ужесточение наказания за неповиновение в сравнении с дореволюционным законодательством.

В последние годы интерес к правовому положению населения укрепился. В центр исследования стал ставиться не революционный порядок, а личность, живущая в эпоху перемен. В революционном правосознании взяли верх идеи «интуитивного права». Исследователи единодушны, считая, что главным методом сохранения общественного порядка стал террор, при этом неприкосновенность личности никто не мог гарантировать. Большевикам удалось подчинить население партийному диктату, а категории права заменили понятия — «враг народа» и «контрреволюционер». Историки заметили особое рвение партийцев на Урале следовать «революционному праву». Расправа с Романовыми отчетливо свидетельствовала о негарантированности жизни при большевиках даже самых именитых особ. Усиление «красного» террора было заметно в 1918 г., некоторое его ослабление к 1920 г., и новый подъем имел место в период расправы с неповиновением деревни в 1921 г. [3]

«Красный террор», подчеркивал В. Шамбаров, имел государственный характер и подкреплялся классовой теорией, по которой ликвидация «буржуя» или «кулака» являлась необходимостью исторического развития. [4] От расправ страдало прежде всего гражданское население, которое не могла защитить и милиция. Руководство милиции в своих отчетах подчеркивало несоответствие своим служебным обязанностям более 80% милиционеров. В милицейских отчетах говорилось: «Все более сознательные и благонадежные милиционеры, послужив, увольняются или переходят в ряды Красной Армии добровольцами, так как в милиции они оставались босы и раздеты». [5] Уголовные преступления изжить не удавалось, увеличивалось и число задержанных за контрреволюционную деятельность. Быстрые темпы роста преступности на Урале обуславливались распадом общества, в котором руководители не могли гарантировать личную безопасность граждан. В циркуляре всем губисполкомам и губотделам юстиции и советам народных судей, датированном концом 1919 г., Наркомат юстиции выражал обеспокоенность большим числом оправдательных приговоров по уголовным делам, так как их число достигло 50%. Недопустимо мелкие приговоры принимались, считали в Наркомюсте, по спекуляции, должностным преступлениям, несоблюдению трудовой дисциплины и в связи с землепользованием.

На ведении дел отрицательно сказывалась слабая профессиональная подготовка специалистов. И. А. Исаев пишет: «Стихия как бы кристаллизовалась в местном правотворчестве». [6] Юристы при большевиках работали оперативно, специалистов не хватало, третью часть осужденных, как правило, оправдывали. Это было связано с большим наплывом осужденных и нехваткой мест для изоляции преступников. Из-за неразберихи допускалась масса ошибок: в места заключения попадали ни в чем не повинные люди, случалось, что и уголовные элементы оказывались на свободе. Так, из Уфимского губернского отдела юстиции в Наркомюст в августе 1919 г. пришла просьба о необходимости увеличения числа работников учреждения: «Ввиду усиленной преступности в Уфимской губернии прошу Вас увеличить

число членов судебно-следственной комиссии с 21 до 76 человек. Застой в уголовных делах влечет за собой осознание беззакония». [7] Специалисты на местах нередко не получали оперативных сведений о вновь принятых законах, и это затрудняло их деятельность. Так, в декабре 1919 г. Уфимский губотдел юстиции просил сотрудников Наркомюста оказать содействие командированному в Москву работнику в получении текстов декретов и распоряжений правительства. Похожее положение складывалось и в Перми. В отчете о деятельности Пермского губюста за 1921 г. говорилось, что законы центральной и местной власти, а также другой необходимый материал поступал с огромным опозданием или же совсем не поступал руководству региона. Не лучше положение было и за Уралом. В протоколе съезда советов Тобольского уезда, состоявшегося в мае 1920 г., говорилось, что «в первое время приходилось руководствоваться из-за отсутствия декретов и указаний из центра революционной совестью и опытом, что крайне не нормально сказывалось на строительстве и укреплении Советской власти». [8]

Власти оказывали давление на правовые институты, например, запрещали судам рассматривать заявления на советских работников, замеченных в применении грубых методов обращения с гражданами, проведении незаконных реквизиций и конфискаций. Это делалось под предлогом «помех» в деле проведения большевистской политики. В последнем случае юристы сами могли попасть под суд. Неудовлетворенность граждан своим правовым положением накапливалась и явилась серьезной причиной массового недовольства в 1921 г.

Важное место в наведении порядка отводилось чрезвычайным комиссиям, призванным расправляться с контрреволюционными элементами. Исследователи хорошо представляют механизм взаимосвязи РКП (б), ЧК и органов юстиции. Постановление Совета Рабоче-крестьянской обороны, подписанное 14 декабря 1918 г., разрешало губернским и городским комитетам РКП (б) участвовать в следствии по делам арестованных ЧК. Данный документ давал право освобождать из-под ареста тех, за кого поручились два члена губкома или горкома РКП (б). [9] В постановлении Пермского ЧК 8 июня 1918 г. говорилось: «Все, кто будет вести агитацию против советской власти, и распространять ложные и нелепые слухи, в случае поимки на месте преступления будут беспощадно расстреливаться». [10] Разнузданная деятельность ЧК привлекла внимание руководства, и 17 февраля 1919 г. ВЦИК оставил за ВЧК право вынесения смертных приговоров только в местностях, объявленных на военном положении, но уже с мая 1920 г. ЧК стала вновь осуществлять расстрелы контрреволюционеров во всех территориях. Однако статистика репрессий находится еще в стадии анализа. Ясно одно: репрессии имели огромный размах.

А. В. Бакунин отметил, что губернская ЧК в Екатеринбурге положила начало всей системе ЧК на Урале. Летом 1918 г. комиссии стали работать во всех крупных городах региона. В 1919 г. Екатеринбургская ЧК сфабриковала 3777 уголовных дел и репрессировала 622 человека. [11] По ее решению были расстреляны 23 бывших жандарма, 154 контрреволюционера, 8 монархистов, 28 членов партии кадетов, 186 офицеров, 10 меньшевиков и правых эсеров. Эти расстрелы были произведены за неделю конца сентября — начала октября 1919 г. [12] Действия ВЧК произвели переворот в понимании гражданского права у большинства населения страны. Это мнение подтверждается и материалами исследований, и документами архивов. Даже у работников ЧК, например, в период деревенского неповиновения 1921 г. складывалось впечатление, что они борются не с преступниками, а со всем крестьянством. В докладе Тюменского губюста 3 августа 1921 г. говорилось о трудностях подавления недовольства: «Особенно трудно было бороться с продработниками, которые, пользуясь лозунгом продовольственной диктатуры, творили неопишумые безза-

кония, а когда судебные работники на местах требовали бороться с преступностью продработников, то сами оказывались арестованными...этим и заканчивалась вся борьба с возмутительными преступлениями». [13]

Важную роль в установлении большевистской дисциплины играли революционные трибуналы. В соответствии с Декретом ВЦИК от 17 февраля 1919 г. «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» органы ВЧК должны были передавать законченные следствием дела в ревтрибуналы. В местностях, где сохранялось военное положение, ЧК сохраняли за собой внесудебные полномочия. Ревтрибуналы стали создаваться по всей стране, они имели право вынесения приговоров по разным делам. Один из тройки, представляющей ревтрибунал, должен был являться представителем местной ЧК. Однако роль ревтрибуналов Урала в репрессивной системе историками еще не установлена. Самое большое количество дел — 1063 рассмотрел в 1919 г. Уфимский губернский ревтрибунал, после чего к расстрелу приговорили 183 человека, правда, из них 170 человек условно. В Пермский губернский ревтрибунал с июня 1919 г. по январь 1920 г. поступили 420 дел, из них 124 признали существенными, 12 человек приговорили к расстрелу. Оренбургский ревтрибунал в сентябре — декабре 1919 г. проанализировал 142 дела. В соответствии с решением трибунала 6 человек расстреляли. В Тюменском ревтрибунале за период с 22 октября по 1 января 1920 г. рассмотрели 161 дело. Из них 92 факта признали контрреволюционными преступлениями, 21 — преступлением по должности. Тюменский ревтрибунал начал работать с середины сентября 1919 г. Он прослыл «мягким», так как к расстрелу никого не приговорили. [14] Документы свидетельствуют, что в стране действовала разветвленная сеть ревтрибуналов, призванных оперативно расправляться с контрреволюционерами на местах.

В мае 1918 г. в составе Наркомюста (НКЮ) РСФСР была сформирована карательная служба — Центральный карательный отдел (ЦКО), который заменил Главное тюремное управление, переименованное после революции в Главное управление местами заключения (ГУМЗ). В ведении ЦКО находились вопросы «тюремного дела»: распределение заключенных в места пребывания, продовольственное снабжение тюрем, организация труда заключенных и условия их содержания. Расходы ЦКО во второй половине 1918 г. составили более 97,7 млн. рублей, а в 1919 г. более 101, 5 млн. рублей. 9 сентября 1918 г. Наркомат юстиции установил нормы питания, которые должны были соблюдаться в местах заключения. Суточный рацион включал 60 — 63 грамма белков, 50 граммов жиров, 300 граммов углеводов, соль, овощи, 4 фунта хлеба. В целом норма составляла 2000 калорий в день для неработающих и 2400 калорий для работающих, но и эти мизерные нормы не соблюдались, что вызывало недовольство заключенных. [15]

Проблема расширения пенитенциарной системы стояла остро. К 1919 г. в стране имелось 216 общих мест лишения свободы, подчиненных НКЮ, 16 сельскохозяйственных колоний и 1 колония для несовершеннолетних, то есть всего 233 заведения. Особенно много людей оказались обвиненными в контрреволюционной деятельности осенью 1919 г., то есть сразу после освобождения Урала от Колчака. Все имеющиеся места заключения быстро заполнили враги большевиков. Только в четырех тюрьмах Тобольска содержалось в конце 1919 г. более 1000 человек. Через ведомства Тюменского губернского отдела юстиции за период с 8 августа по декабрь 1919 г. прошли 1300 заключенных.

Карательный отдел в Екатеринбургской губернии был создан в сентябре 1919 г. В его состав вошли заведующий отделом, его заместитель, секретарь и его помощник, канцелярист, машинистка, курьер. Сотрудники отдела, приступив к работе, командировали для обследования тюрем губернии опытных работников. Они и

выяснили, что в губернии имеется 7 тюрем: в Екатеринбурге, Шадринске, Камышлове, Ирбите, Верхотурье, Красноуфимске и близ Нижне-Туринского завода. Тюрмы в Камышлове и Верхотурье было решено ликвидировать из-за близости к городам. Остальные тюрмы были преобразованы в исправительные дома принудительных работ и могли вместить до 3 тыс. человек при штатных работниках 300 человек. Работа по созданию карательных отделов проводилась во всех освобожденных от белых губерниях региона, шел процесс упразднения мелких тюрем, открытия земледельческих колоний, в которых осужденные жили на свободе и занимались сельскохозяйственным трудом.

В январе 1919 г. только в тюрьмах ЦКО находилось 26185 человек. После очередной ноябрьской амнистии число заключенных уменьшилось на 30%, но уже к апрелю 1920 г. оно достигло уровня конца 1919 г. и равнялось 25809 человек. М. Джекбсон и М. Смирнов выявили в местах заключения подведомственных НКЮ на 1 января 1921 г. — 55422 заключенных, а 1 декабря 1921 г. — 73194 задержанных. Официальная цифра оказалась значительно меньше, потому что ЦКО располагал данными только по 182 местам заключения из 243. [16] В. Д. Попов выяснил, что всего за 1921 г. было всего осуждено 35829 человек. Из них к лишению свободы 21724, а к высшей мере наказания — 9701 человек. В местах заключения отбывали наказание люди, осужденные за контрреволюционные преступления, преступления по должности, дезертирство из рядов Красной Армии, здесь же отбывали наказание и повстанцы. Служащим исправительных учреждений предписывалось не только охранять и перевоспитывать заключенных с помощью труда, но и обеспечить полную самокупаемость тюрем. Работать в местах заключения было тяжело. Нехватка кадров в исправительно-трудовых учреждениях стала обычным явлением. Репрессии 1919–1921 гг. по линии НКЮ носили предупредительный характер, сроки заключения обычно не превышали пяти лет, высшая мера наказания применялась в редких случаях. 17 мая 1919 г. ВЦИК издал постановление «О лагерях принудительных работ, подведомственных НКВД. Организацией лагерей в территориях должны были заниматься местные ЧК, каждый лагерь создавался не менее чем на 300 человек. В составе губисполкомов появились подотделы принудительных работ. В РСФСР образованы были две службы исполнения наказания в виде лишения свободы: одна в ведении НКЮ, другая — НКВД. К 1 января в стране в ведении НКВД действовал 21 лагерь, а в конце 1921 г. — 122. [17]

Репрессированные часто не совершили никаких преступлений и страдали из-за социального происхождения, политических или религиозных убеждений. Материалы исправительных учреждений дают разнообразные сведения о заключенных, но мало используются историками. Так, в жалобе А. Аржиловского, написанной 5 января 1920 г. из Тюменского работного дома, сообщалось о его несправедливом наказании только за то, что он имел охотничье ружье. В другой жалобе, написанной также в январе 1920 г., говорилось, что в Тюменском работном доме содержатся сотни людей, далеко не преступников. В домах принудительных работ Уфимской губернии в конце 1921 г. находилось 3270 человек, задержанных ЧК, что составило немногим менее 10% от общего числа содержащихся в домах. Заметна была тенденция снижения числа задержанных чекистами. Так, в Уфимском работном доме в январе 1921 г. содержалось 313 задержанных ЧК, а в декабре только 110. Аналогично складывалось положение и в других работных домах Уфимской губернии. В Златоустовском работном доме за ЧК в январе числилось 70 человек, а в декабре только 34; в Белебеевском в январе 38, а в декабре 1921 г. 28. В домах имелись школы, библиотеки, проводились политзанятия и лекции, но состояние дел нельзя было назвать хорошим. Людям не хватало самого необходимого — белья, продуктов, посуды, мебели, материалов для работы. Не полностью был укомплектован и штат

сотрудников, их не обеспечивали даже вооружением. В докладе о состоянии Ялуторовского исправдома Тюменской губернии, представленном летом 1921 г., говорилось, что иногда «... на людей не имели даже дела». Осужденные жаловались, что у них отбирали одежду, обувь, однажды жена заключенного случайно узнала брюки мужа на одном из надзирателей. Работа осужденных чаще была физически тяжелой, им негде было мыться, теплой и чистой одежды не хватало. Многие жаловались на плохое обращение и просились на фронт. Задержанные часто жаловались на нехватку продовольствия. Положение еще более осложнилось в 1921 г. в связи с наплывом в места заключения участников деревенских выступлений. В Наркомюст шли доклады о том, что местные тюрьмы переполнены «бандитами». Пермский губернский карательный отдел сообщал в Москву, что в переполненных тюрьмах «прцветают» тиф, дизентерия, туберкулез, цинга, венерические заболевания. Из содержащихся в Пермских местах заключения во второй половине 1921 г. прошли амбулаторное лечение 6879 человек: Пермском исправдоме 3534 человека, в Сарапульском 864, в Кунгурском 600, в Осиновском 983, в Кизеловском 634, в пермской земледельческой колонии 244 человека. Нередкими были и смертельные случаи. Так, только в Пермских местах заключения от дизентерии из-за нехватки лекарств скончались в течение полугода 10 человек. [18] В переполненных тюрьмах росла смертность, увеличивался риск развития эпидемий. В среднем в месяц на одну тысячу человек умирало 10–12 заключенных. Из-за перегрузки тюрем в апреле 1921 г. Сиббюро предложило провести амнистию к майским праздникам. В исправительных домах г. Перми, Кунгура, Осы и Кизела и одной земледельческой колонии на 1 июля 1921 г. задерживалось 1915 человек. Количество заключенных увеличивалось на протяжении всего года и составило к декабрю 1921 г. 8188 человек. В 1921 г. Пермский губюст рассмотрел на предмет применения амнистии 2336 дел: в итоге 1161 задержанный был освобожден. [19]

Выросло число задержанных преступников в 1921 г. и в Зауралье. В докладе губернского карательного отдела о деятельности трех исправительных домов Тюменской губернии, представленном местной администрации в мае 1921 г., говорилось: «За последние 2–3 месяца в связи с повстанческим движением население рабочих домов доходит до 1300 человек, и только разгрузка даст возможность снизить эту цифру... В Ялуторовском рабочем доме, рассчитанном на 300 человек, содержится 700... В Тобольском рабдоме находится 1400 «бандитов» ...Среди заключенных эпидемии». В докладе Тюменского отдела юстиции в ноябре 1921 г. говорилось: «Контрреволюция создавала громадное скопление заключенных». В этом году только в исправдомах Тюменской губернии скопилось около 2 тыс. подсудимых. [20]

Судя по отчетам пенитенциарных учреждений, несмотря на многочисленные организационные мероприятия, наладить в них дисциплину и труд заключенных не удавалось. К 1 июля 1920 г. в 108 тюрьмах, подведомственных ЦКО, трудились 39,3% заключенных. Многочисленные жалобы свидетельствовали об условиях, которые были «хуже, чем при старом режиме». В заведениях не было тепла, света, не хватало продовольствия и одежды. Е. М. Гиляров, А. В. Михайличенко отметили, что фактически в мастерских учреждений НКЮ было занято только 10,8% заключенных, а в лагерях НКВД — 46,6%. [21] Заключенные выполняли чаще всего тяжелую физическую работу, работали по 10 часов день, условия труда были плохими, а орудия примитивными.

Документы свидетельствуют, что места заключения мало отличались друг от друга. Побег из тюрем стали частым явлением. Если перед революцией количество беглецов за год в среднем равнялось числу самих тюрем, то в 1920 г. на каждую тюрьму приходилось пять побегов. В 1919 г. только из подчиненных Наркомюсту

учреждений убежали 1500 человек, а за первое полугодие 1920 г. уже 1250. В телеграмме 13 февраля 1920 г. направленной на имя Ф. Дзержинского заключенными Тюменского дома принудительных работ, которую подписали около 100 человек, из них 70 крестьян, говорилось: «Свободный гражданин работоспособней узника. Разъясните местным властям, что пора прекратить революционную месть, пора забыть прошлое. Тюменская губчека усердно занималась мелочами прошлого, превращает в заложников людей политически безграмотных, представителей трудового класса... В 13 тюрьмах рядовые крестьяне, даже старики. Для укрепления власти необходимо прекратить борьбу с мирным населением. ... Мы, политические заключенные,... просим Вас воздействовать на окраины и пояснить, что лежачего не бьют». [22] Дисциплина в пенитенциарных учреждениях ослабла, а сложное криминальное положение в регионе формировало у населения страх за свою жизнь.

Революционное правосознание отличалось динамизмом, отсутствием правовых традиций. Правовые нормы базировались на стремлении найти правду, необходимую всему трудовому народу, которую должны защищать миром во главе с вождем. Архаические потуги пришлось сдерживать силой. В основе концепции сдерживания лежала «революционная законность», призванная быстро и эффективно бороться с контрреволюцией. Пролетарское право защищало в первую очередь городского пролетария, в ходе его реализации человек воспринимался как часть класса, к которому он принадлежал, а с его индивидуальной ситуацией считаться было некогда, да и некому, ведь ни специалистов, ни времени, ни четкости революционный закон не предусматривал. Особенно недовольна новыми законами была деревня, так как крестьян не удовлетворяла роль младшего партнера рабочих. [23] В конечном итоге негативное воздействие революционной законности испытали на себе и сами рабочие, которым не разрешалось высказываться против существующих законов. Новые принципы права, базирующиеся на «революционной идеологии» и «революционной целесообразности», не учитывавшие частных случаев, не выдержали испытание временем, и от пролетарских норм права пришлось отказаться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАСО. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.
2. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.): Вып. 1–3. Томск, 1998.
3. Красный террор в годы Гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков) // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 10–35.
4. Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995. С. 134; Суслов А. Лики террора // Страницы истории земли Пермской // Адрес в интернете: <http://memo.perm.ru>; Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М., 2002. С. 531–533.
5. ГАТО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 18. Л. 103.
6. Исаев И. А. Революционная психология и революционная законность // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 32.
7. ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 131. Л. 2.
8. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122. Л. 12.
9. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 235.
10. Известия Пермского губернского исполкома. 1918. 28 июля.
11. Бакунин А. В. Основные этапы политических репрессий в СССР // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. Нижний Тагил, 1997. С. 3–15.
12. Стефан Куртуа и др. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 100.

13. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 69. Л. 97.
14. Там же. Оп. 3. Д. 156. Л. 75, 88, 142, 144.
15. Там же. Д. 592. Л. 12; Д. 7. Л. 78.
16. Доклад съезду заведующих губернскими карательными отделами по управлению делами ЦКО // ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 16–17.
17. Джекобсон М., Смирнов М. Система мест заключения в РСФСР. 1917–1930. М., 1998 // Адрес в интернете: <http://NKVD//Gulag/artickls/navihtm>; Попов В. Д. Государственный террор в Советской России // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28; Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923. М., 1995. С. 87; Гиляров Е. М., Михайличенко А. В. Указ. соч. С. 169.
18. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 5. Д. 339. Л. 7, 27; Оп. 4. Д. 80. Л. 23.
19. Там же. Оп. 1. Д. 80. Л. 69 об. -71
20. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 82. Л. 14-14 об, 15 об, 16, 19; Д. 94. Л. 4.
21. Гиляров Е. М., Михайличенко А. В. Указ. соч. С. 67.
22. ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 20. Л. 62, 76; Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 227–227 об.
23. Кудряшев В. Н. Правосознание сибирского крестьянства в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): к постановке проблемы // По страницам истории и судьбы. Томск, 2001. С. 161.

Валентина Павловна ПЕТРОВА –
докторант ТГУ, кандидат исторических наук

Взаимодействие государства и кооперативной системы по восстановлению сельского хозяйства Урала в годы нэпа

УДК 947+957

АННОТАЦИЯ. Восстановление сельского хозяйства Урала в годы нэпа оказалось невозможным без привлечения сельскохозяйственной кооперации. В статье на материалах Уральского региона рассмотрены цели, формы и методы взаимодействия государства с кооперативной системой и его результат. Показан переход к концу 20-х годов к огосударствлению функций кооперации в аграрном секторе страны.

In Russia agriculture restoration took place in the days of New Economic Policy, agricultural co-operative societies playing a special role in this process. The aims, forms, methods of interaction between state and co-operative system of Ural region and the results of such interaction are considered in the article.

Сельскохозяйственные кооперативы возникли в дореволюционной России для реализации личных интересов крестьян как производителей сельскохозяйственной продукции, и в то же время для социальной защиты своих членов. В советской России кооперативное движение смогло начать свое возрождение лишь с переходом к новой экономической политике, так как оно тесно связано с рыночными товарно-денежными отношениями.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. сельскохозяйственная кооперация была выделена из потребительской, получила права самостоятельности в организации производства, закупок, продажи сельскохозяйственных продуктов. Принятый декрет устанавливал, что население может создавать кооператив-